

СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ (на материале хакасских героических сказаний)

А. Д. Каксин¹, М. Д. Чертыкова²

¹Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
Абакан, Россия, e-mail: adkaksin@yandex.ru;

²Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Абакан, Россия, e-mail: chertikova@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования являются выявление и описание устаревшей лексики на материале хакасских героических сказаний. В ходе анализа материала применены функционально-семантический, этимологический, структурно-семантический, сравнительно-типологический методы исследования, которые способствуют более детальному раскрытию семантического содержания лексем. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью исследований по данной тематике с привлечением фольклорных материалов и необходимостью развития их лингвофольклористической парадигмы, как самостоятельного научного направления. Новизна исследования заключается в том, что устаревшая лексика в языке хакасских героических сказаний впервые становится предметом специального исследования. В работе выделены два типа данного пласта лексики: а) историзмы, которые включают, в основном, наименования предметов и явлений ушедших эпох; б) архаизмы – слова, вытесненные из современного обихода более частотными в языке синонимами. В связи с тем, что язык является динамичной и изменчивой системой, слова-историзмы обладают потенциальной вероятностью возвращения в современный язык под влиянием эпохальных изменений развития общества. При этом их семантика может несколько трансформироваться, утрачивать признак архаичности и отрицательные коннотации. В категорию архаичных слов попадают не только слова - наименования, но и слова других частеречных принадлежностей, в том числе и служебные слова. Большая часть рассмотренной нами устаревшей лексики имеют параллели в других тюркских и монгольских языках.

В нашем исследовании термин «устаревшая лексика» используется формально, поскольку в языке героических сказаний данный фрагмент лексики является частотным и полноценно отражает соответствующие реалии эпического мира. Мы называем данный пласт лексики «устаревшей» *только по отношению к современному языку*. Язык героических сказаний, как особая ментальная форма современного языка, с древнейших времен и по сей день функционирует и живет, при этом может несколько видоизменяться в зависимости от экстралингвистических факторов. Так называемая «устаревшая» лексика, как вневременной феномен, переходит в разряд ключевых слов и имеет концептуальный статус.

В перспективе исследований лингвофольклористического направления предстоит решение таких задач, как раскрытие структурного содержания устаревшей лексики в синхронии и диахронии, специфики их прагматики и функционирования в тексте, этимологические толкования и др. Анализ таких слов должен подкрепляться обильными иллюстрациями текстов, подтверждающих их дифференцированные свойства.

Ключевые слова: язык героических сказаний; устаревшая лексика; историзм; архаизм; лингвистические особенности; тюркско-монгольские параллели; эпический текст; лингвофольклористика

Для цитирования: Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Семантико-структурные типы устаревшей лексики (на материале хакасских героических сказаний). *Эпосоведение*. 2025;4(40):40–54. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-40-54>.

Original article

Semantic-structural types of obsolete vocabulary (based on the material of Khakas heroic tales)

Andrey D. Kaksin¹, Maria D. Chertykova²

¹N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia

e-mail: adkaksin@yandex.ru

²Khakas Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia

e-mail: chertikova@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to identify and describe obsolete vocabulary based on the material of Khakas heroic tales. In the course of the material analysis, functional-semantic, etymological, structural-semantic, comparative-typological research methods were used, which contribute to a more detailed disclosure of the semantic content of lexemes. The relevance of the study is due to the lack of research on this topic with the involvement of folklore materials and the need to develop their lingual-folkloristic paradigm as an independent scientific direction. The novelty of the study lies in the fact that obsolete vocabulary in the language of Khakas heroic tales becomes the subject of a special study for the first time. The work identifies two types of this layer of vocabulary: a) historicisms, which include mainly names of objects and phenomena of bygone eras; b) archaisms – words displaced from modern use by more frequent synonyms in the language. Since language is a dynamic and changeable system, historicisms have the potential to return to modern language under the influence of epochal changes in the development of society. At the same time, their semantics may be somewhat transformed, losing the sign of archaism and negative connotations. The category of archaic words includes not only words – names, but also words of other parts of speech, including function words. Most of the obsolete vocabulary we have considered has parallels in other Turkic and Mongolian languages. In our study, the term “obsolete vocabulary” is used formally, since in the language of heroic tales this fragment of vocabulary is frequent and fully reflects the corresponding realities of the epic world. We call this layer of vocabulary “obsolete” only in relation to the modern language. The language of heroic tales, as a special mental form of modern language, has been functioning and living since ancient times and can change somewhat depending on extralinguistic factors. The so-called “obsolete” vocabulary, as a timeless phenomenon, becomes a keyword and has a conceptual status.

In the future, research in the lingual-folkloristic direction will have to solve such problems as revealing the structural content of obsolete vocabulary in synchrony and diachrony, the specifics of their pragmatics and functioning in the text, etymological interpretations, etc. The analysis of such words should be supported by abundant illustrations of texts confirming their differentiated properties.

Keywords: language of heroic tales, obsolete vocabulary, historicism, archaism, linguistic features, Turkic-Mongolian parallels; epic text; lingual-folkloristics

For citation: Kaksin, A. D., Chertykova, M. D. Semantic and structural types of obsolete vocabulary (based on Khakas heroic tales). *Eposovedenie*. 2025;4(40):40–54 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-40-54>.

Введение

Язык героических сказаний – это особая форма любого языка, созданная на базе устного народного творчества. В процессе передачи из поколения в поколение он может несколько трансформироваться, приобретая актуальные для нового времени лингвистические свойства. Идейное содержание, сюжеты и мотивы, образы героев каждого героического сказания отражают определенный период развития общества. Тем самым исследователи выделяют основные этапы создания и развития того или иного текста героического эпоса [1; 2; 3; 4 и др.]. Как пишет М. А. Унгвицкая о героических сказаниях наиболее древнего периода: «Рассматривая идейно-художественные особенности героических сказаний периода разложения первобытнообщинного строя, надо отметить вполне объяснимое отражение представлений, идущих от эпохи господства материнского права, и своеобразное отражение борьбы тенденций патриархальных

против матриархальных» [3, с. 100]. В. Е. Майногашева отмечает, что в эпоху раннего феодализма развивается жанр героического эпоса, который приводит «... к выдвиганию на первый план защиты обездоленных людей, защиты своего *чурта* – земли, своего народа от жестоких притеснителей и грабителей – захватчиков. Эпический враг, начиная с этого периода, изредка называется этническим именем Моол-хан, т. е. монгольский хан» [5, с. 12].

Настоящее исследование посвящено выявлению и описанию с функционально-семантической, этимологической и структурно-семантической, сравнительно-типологической позиций устаревших лексических единиц, встречающихся в текстах хакасских героических сказаний. По причине неактуальности выражаемых явлений и объектов в современной жизни или же вытеснения из употребления более частотными синонимами, эти слова находятся в пассивном фонде современного хакасского языка. Однако процесс устаревания лексики не однозначен и происходит в течение длительного времени, при этом представляется трудным установить четкие временные границы, также случаи переходного характера могут зависеть от разных социальных и исторических факторов. В тюркском языкознании теме устаревшей лексики посвящены немало работ [6; 7; 8 и др.], в т. ч. исследованы архаизмы и историзмы на материале фольклорных текстов [9; 10 и др.]. Однако на сегодняшний день системное изучение устаревшей лексики на материале языка героических сказаний остается актуальной, поскольку она имеет полицентричный характер и позволяет проникнуть в словесное содержание исторических, этнографических и других реалий.

Как известно, устаревшая лексика – это объединяющий термин двух категорий слов: историзмов и архаизмов. «Историзмы – слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий (напр., в русском языке названия старинной одежды: *армяк, камзол, кафтан*). Историзмы не имеют синонимов»¹. Тем самым, историзмы выражают исчезнувшие из повседневной жизни реалии и в современном языке часто к таким словам даются описательные толкования.

«Архаизмы – слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами»². Данная категория слов, в основном используется в прозе для создания стилистического эффекта реалий определенного периода времени.

В любом языке историзмы и архаизмы представляют собой пассивный словарный запас. Их «общими признаками архаизмов и историзмов являются: наличие временного семантического компонента в смысловой структуре слова, низкая частотность употребления, следовательно, периферийная позиция в словаре, ограниченная сфера употребления» [11, с. 49]. Однако роль и функции данного пласта лексики в современном языке и в языке героических сказаний сильно отличаются. Устаревшая лексика в текстах героических сказаний достаточно активна, в связи с чем возникают вопросы по поводу отношения понятия «устаревшая» к эпической сфере. Данная категория лексики, обладающая хорошим функционально-стилистическим потенциалом в языке фольклора, с точки зрения современного языка, имеет определенные лексикографические и дефиниционные ограничения, т. е. их семантико-функциональные особенности оказываются «застывшими».

Сходство исторических судеб и древних социальных, культурных и других контактов между тюркскими и монгольскими народами, которые прошли сходный путь развития на просторах Сибири отразилось и на их эпическом наследии. Один из основоположников сравнительного изучения эпосов народов Сибири, известный якутский ученый-фольклорист И. В. Пухов внес неоценимый вклад в исследование закономерностей эпического творчества народов Сибири [12].

¹ Устаревшие слова // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4702762> (дата обращения: 10.06.2025).

² Там же

В одной из своих работ И. В. Пухов пишет: «Если генетическая общность древнего эпоса – результат взаимовлияния или развития былого общего достояния, совместного творчества в отдаленном прошлом, то типологическое сходство может возникнуть как сходный творческий поиск в сходных жизненных условиях. Генетическая общность в древнем эпосе может проявляться не только в отдельных деталях; она способна охватывать целые сказания, весь их строй, характер развития сюжетов и образов, стиль в целом» [12, с. 85]. К сказанному добавим, что к этим культуuroобразующим аспектам эпической общности наших народов относится и фольклорно-языковая система, в частности, как отдельное семантическое поле – устаревшая лексика, которая в большинстве своем в тюркских и монгольских языках является общей. М. В. Ондар в своем исследовании устаревшей лексики на материале текстов тывинских героических сказаний выделила следующие основные тематические группы: названия титула и статуса персонажей; названия военного оружия и атрибутики героя; названия предметов быта; названия частей тела человека [13, с. 106]. По материалам хакасских героических сказаний, безусловно, тоже выделяются подобные семантические типы устаревшей лексики. При этом встречаются и другие структурно-семантические категории слов, которые тоже можно отнести к данному разряду, например, именные основы: *арбаты* «степь», *ит* «собака», *ит табан* «собачье отродье», *харачы* «простолюдин», *арбай* «острие вершины тасхылов», *чапанчы* «уголки рта лошади» и др.; устойчивые словосочетания: *аран чула ат* «богатырский конь-скакун» и др.; сложные слова: *арачын-хорачын* «крепкая водка (из молока)» и др.; а также спаянные нестандартные конструкции (клише), выражающие конкретное понятие: *асхан харах чапхалахта*, *чапхан харах асхалахта* «очень быстро; букв. пока не закрыл открытые глаза, пока не открыл закрытые глаза» и др. Относительно семантики подобных слов П. А. Трояков писал следующее: «... в хакасских сказаниях встречаются такие сочетания, которые становятся понятными лишь после тщательного языкового разложения. Языковой анализ даст возможность разгадать значение многих слов и словосочетаний, сохранившихся в сказаниях, но отсутствующих в современном языке. А это в первую очередь даст материал для историко-генетических сопоставлений, аналогий и сравнений в эпических сказаниях смежных народов, имевших какие-то общие этнические корни или историческую общность развития» [14, с. 126].

Пласт устаревшей лексики на материале текстов героических сказаний отражает различные аспекты жизнедеятельности далеких предков, тем самым он интересен для исследования не только в сфере фольклористики, но и других смежных гуманитарных наук. Р. Н. Анисимов в своем исследовании архаизмов олонхо отмечает: «Главная их стилистическая функция состоит в изображении периода перехода от мифологического мировоззрения к религиозному, от кочевого образа жизни к оседлому, в характеристике социально-бытовой терминологии прошлого времени. Виды вооружения и орудия труда, слова, связанные с жилищем и предметом утвари, одежда героя, религиозные представления, названия природных явлений, животных и т. д. обладают большой информативностью в вопросе генезиса олонхо» [9, с. 47–48].

Однако, обобщая общепринятые теоретические тезисы о месте и роли устаревшей лексики в языке, в т. ч. и в эпическом языке, мы хотели бы высказать следующую мысль. Как мы знаем, язык героических сказаний – это особо изысканный язык, который продолжает жить путем передачи из поколения в поколение сквозь столетия. Если данный язык продолжает жить, значит, жив и эпический мир во всем своем многообразии пространств и времен. Тем самым, язык героических сказаний сосуществует параллельно с современным общенародным языком. И «устаревшая» в нашем понимании лексика языка эпического мира не переходила в пассивный запас, наоборот, она является активной и частотной в использовании и сегодня. Мы называем данный пласт лексики «устаревшей» *только по отношению к современному языку*. Таким образом, язык героических сказаний является образцом сплетения таких понятий, как «архаичность» и «витальность», т. е. неся в себе глубинные традиционные ценности, он создает энергию для самосохранения в будущем.

Обсуждение и результаты

В нашем исследовании мы приводим и анализируем наиболее частотные устаревшие слова, встречающиеся в текстах хакасских героических сказаний. Учитывая то, что эти слова действуют в большом массиве мифических контекстов, соответственно, несут обширные смысловые нагрузки, их можно относить к категории ключевых. Но, как мы уже говорили, частотность слов, выражающих конкретные предметы и явления, не влияет на развитие их многозначности. Они обычно лидируют в определенной тематической группе слов.

Историзмы

Историзмами, как правило, становятся слова, выражающие предметы, вещи хозяйственного быта, общественно-политического строя, военных действий из прошлого, и являющиеся не актуальными в современной жизни. В текстах хакасских героических сказаний встречаются слова – историзмы, относящиеся, например, к группе военной лексики. На самом деле военная лексика в любом языке актуальна всегда, однако с развитием новейших разработок различных видов вооружения, устаревшие наименования вместе с выражаемыми объектами уходят в прошлое. В тюркских, а также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, на материале древних и средневековых письменных памятников и языка героических сказаний сохранилось немало общих наименований оружия, военных статусов, защитных доспехов и снаряжений, а также других деталей. Военная лексика в тюркских языках, начиная с прошлого века, не раз становилась объектом комплексных, сравнительно-этимологических исследований [15; 16; 17 и др.]. Данная группа лексики является одним из динамичных, быстро трансформирующихся фрагментов словарного состава языка. Только в текстах героических сказаний они сохранились в лексически и грамматически «застывшей» форме.

В текстах героических сказаний при описании одеяний богатырей, их подготовки к военному походу, изображении их битв с другими богатырями используются историзмы типа *саада* «колчан», *чыда* «копье», *хуйах* «панцирь», *тулага* «забрало», *кіріс* «тетива», *хылыс* «сабля» и др. Как правило, собираясь в военный поход, богатырь одевает свои доспехи или же возвращаясь на родину, в свое жилище, после военных походов он снимает свои доспехи и складывает в сундук на хранение. *Тун Хара сай хара аттың тиргізінең / Ах хуус хуйагын, систін, кизібіскен, / Ай пөрізі саадагын, алты сари тартып, хурчаныбысхан, / Агар чаага кисең пөрігін кизібіскен* [18, с. 76] – ‘Тун Хара, отвязал [своего] вороного с коновязи, / [Свой] луновидный колчан обернул вокруг себя шесть раз, / Одел свой головной убор, предназначенный для войны’³.

КІРІС/КИРИШ. Авторы ЭСТЯ приводят 11 значений данного общетюркского слова в разных тюркских языках: 1. Сухожилие, жила; 2. Подкожная мышца у основания коровьего хвоста; 3. Тетива; 4. Лук (оружие) в кирг.; 5. Смычок, лучок (для трепания шерсти); 6. Струна; 7. Дратва; 8. Стужень у саней, вязок; 9. Веребочка, натягиваемая на обе стороны ручной пилы; 10. Железный поперечный брус в шаманском бубне; 11. Бревно, балка, брус, перекладина [19, с. 71]. Происхождение данной лексемы не ясно, в предположении ее связи с глаголами *кәр-* «натягивать» и *кір-* «входить» лингвисты не находят достаточно надежного обоснования.

В хакасском языке лексема *кіріс* однозначна и обозначает: «тетива; *кіріс паа* тетива лука; *кіріс табызы кіңірепче* фолькл. звенит звук тетивы; *күзен чили сөлінчедір, кіріс чили тартылчадыр* (ат ойлааны) загадка как хорёк вытягивается, как тетива натягивается (бег лошади)» [20, с. 178]. *Харагы чох тас {...} / Охказын суурып, кіріске тастап, / Кирбейте тартып тур* [18, с. 85] – ‘Слепой слуга {...} / Снимая [свою] стрелу, натягивая тетиву, / Стреляет метко’.

Б. И. Татаринцев отмечает, что у тувинской лексемы *кириш* «тетива; диафрагма, грудобрюшная преграда; *перен.* напряженное положение, напряженность» идея стяжения → напряжения ярче всего проявилась в переносном значении [21, с. 160]. В других тюркских языках не встречается такого значения. В хакасском же языке данная лексема используется только в фольклорных текстах.

³ Здесь и далее перевод авторов.

ТУЛАГА *ист.* «1) забрало; *тулагазын туу тартыбысхан* фолькл. [богатырь] опустил забрало (на лицо); 2) шлем; панцирь; *тимір тулага* железный панцирь; *чил сабар сарина чилеге полам, суз сабар сарина тулага полам* фолькл. от ветра и дождя заслоном (щитом) стану для тебя; 3) колпачок, надеваемый на голову ловчей птицы» [20, с. 675]. Компонент «защита тела» в семантике данного слова может распространяться и на абстрактную и ментальную сферы защиты, (на основе чего такие слова могут получить новую жизнь в современном языке), например, *Хас-хачан полза, / Хабыргамнаң хайызар, / Тузымнаң турызар. / Пилен Тара минің палам / Чил сабар саринча чилеге полар, / Суз сабар саринча тулага полар* [18, с. 89] – ‘Когда-нибудь вырастет, / Будет мне поддержкой, (букв. будет соприкасаться с [моими] ребрами) / Мой дитя Пилен Тара / Со стороны дуновения ветра будет оплотом, / Со стороны течения реки будет защитой’. В хакасском языке имеется также синонимическое наименование защитного снаряжения *хуйах* «ист. куйак (щит, изготовленный из сыромятной кожи), панцирь, щит; ср. *чаргах; ілчірбе хуйах* кольчуга; *кўме хуйах* латы (состоящие из мелких пластинок); {...};» [20, с. 859], которое распространено в сибирских тюркских и кыргызском языке. Слово имеет монгольский вариант *хуяг* «панцирь; кольчуга, забрало; {...}; 2) броня; {...}; 3) латник; {...};» [21, с. 1044]. *Ирнің кўлүзі Албынчы амды / Аннаң айланып, ибірлі тур, / Тогыс мархалыг ах хуус хуйахты / Ирен-толгап кис турадыр, / Ай үлгүзі саадахты, / Алты сари тартып, хурчан турадыр* [19, с. 107] – ‘Лучший из богатырей Албынчы сейчас / Стал собираться в поход, / [Свой] сыромятный куйак (панцирь) с девятью пуговицами / Рассматривая, одевает, / [Свой] луновидный колчан / Обернул вокруг себя шесть раз’. Слово *хуйах* активно действует в хакасском языке в значении «интуиция; защита», например, может звучать в благословениях, *хуйагың пик ползын!* ‘Пусть [твоя] защита будет прочной (крепкой)’.

ЧЫДА «штык, копье; *чыда кірбес чыс тайга* фолькл. глухая тайга, в которую не воткнешь пику (настолько она заросшая); *ханга-сөлге тоспаан ўс харахтыг хырых азыр пастыг ханныг чыда* фолькл. ненасытное на кровь трёхглазое сорокозубое кровавое копье; *чыда пазынаң изеннес парганнар, хылыс пазынаң мунділес ирткеннер алып чахсылар* фолькл. богатыри удалые поздоровались кончиками копья, поздоровались кончиками сабель» [20, с. 1015]. *Сол ізебінең Алтын Арыг / Сўм сині чыда сыгарған, / Кирсеніне тастабысхан, / Позы кіріп, позы тобырыбысхан. / Пір хыри ізебінең сыгарған / Сўмча суны хара молат, / Тынныг хара молат* [22, с. 99] – ‘Алтын Арыг вынула из левого кармана / [Наконечник] копья величиною с вершок, / И в грудь ей бросила, / [Наконечник] копья легко [в грудь] вошел, легко [ее] пронзил. / Из другого кармана она вытащила / Острый меч величиною с вершок, / [То] был живой острый меч’ [22, с. 341]. *Азыр чыдазын алып кізі / Сыгара тартып турадыр, / Ай чалбагы моладың / Суура тартып турадыр* [22, с. 148] – ‘Богатырь вынимает [из кармана] Двугранный [наконечник] копья, / Широченный свой меч / Из ножен достает’ [22, с. 389]. В приведенных примерах говорится о копье маленького размера, помещающегося в карман. О такой особенности данного оружия В. Е. Майногашева пишет: «Известно, что средневековая Хакасия далеко за своими пределами славилась разнообразным острым оружием. Археологами найдены кинжалы величиною чуть больше вершка. Но были ли в действительности мечи величиною с вершок, нам неизвестно» [22, с. 550].

Данное слово «нашло распространение в юго-западных: туркм. *syda*, аз. *cida*, центрально-восточных: алт. *zuda* и северо-восточных тюркских языках: хак., тув. *cyda* (анлаутные фонетические соответствия Z-3-C)» [16, с. 12]. В Древнетюркском словаре лексема *žida* представлена с монгольским аналогом *jida* и также обозначает «копье» [23, с. 642]. В монгольском же языке *jida* обладает разнообразием семантических, сочетаемостных и словообразовательных возможностей: «1. 1) метательное копье, пика; *богино жад* дротик; *гинжит жад* гарпун; *хасаг жад* казацкая пика; *жад шидуур* копьеметатель; *жад шидэх а)* метать копье; б) метание копья; {...}; *ган жад* стальной штык; *их жад* палаш; *толтот жад* гранёный штык; *хутган жад / япон жад* клинковый штык; *цэргийн жад хүчээр а)* силой штыков, опираясь на силу штыков; б) шилж.

силой оружия; *жад бялуу* хуучир. жезл, употреблявшийся в придворных церемониях; *винтов буунд жад залгах* примкнуть штык к винтовке; *манай зохиолчид үзгээ жад лугаа адилтгажээ* наши писатели перо приравняли к штыку; *жад хануур* ланцет; *жадаар хатгаж* алах заколоть штыком; *жадаар цоо хатгах* проколоть, пронзить штыком; 2. копьевидный, штыковидный; *хутган жад* копьевидный нож; *жад өрөм* копьевидное сверло; *жадан хавчуур* штыковидные щипцы» [24, с. 26].

СААДАХ «ист. колчан; ср. *хурлук*; *ай нөрізі саадах* фолькл. месяцевидный колчан; *алын саадахтаң чаацах сыгарчадыр* богатырь вынимает лук из колчана; *аар-нуур саадах* фолькл. богатырский пояс» [20, с. 418]. *Хан Миргеннің палазы <...> / Ай нөрізі саадагын / Алты сари тартып хурчаныбысхан, / Алын, кизін идегін хурына хыстыныбысхан* [18, с. 58] – ‘Дитя Ай Миргена <...> / Свой луновидный колчан / Обернув [вокруг талии] шесть раз, / Прикрепил к своему поясу’.

В. И. Рассадин утверждает, что данная лексема монгольского происхождения [25, с. 37]. Она имеет сибирское ареальное распространение и также является наиболее частотным в текстах героических сказаний. М. В. Ондар отмечает, что «*саадак*» встречается в составе словосочетания, где используются прилагательные *кара* и *чалчай*: *кара харгый саадак* “колчан черного цвета”, *чалчай саадак* “жалкий колчан”. Первое словосочетание используется для описания образа главного героя, а второе прилагательное передает значение бедности, унижения второстепенного образа» [13, с. 111].

Семантика монгольского варианта *саадаг* аналогична: «колчан (для стрел); сайдак; футляр для лука и стрел; *саадаг агсах / саадаг бүслэх / саадаг зүүх* опоясаться колчаном, надеть колчан; *саадгийн бүслүүр / саадгийн бүслүүрэг* ремень для ношения колчана; *саадгийн оwd* внутренность колчана, гнезда для стрел; *саадгийн хоромсого* налучник, футляр для лука и стрел; *саадгийн этгээд* сторона, с которой вешается колчан, правая сторона» [24, с. 456]. Большой академический монгольско-русский словарь (БАМРС) указывает ещё на переносное значение данной лексемы: *саадаг* «походный мешочек; *саадаг алчуур* мешочек для чашки, который привешивается к поясу» [24, с. 456]. Функция хакасского и монгольского *саадах / саадаг* также соответствуют: «*саадах* прикреплялся к специальному поясу богатыря. Его шили из шкуры жеребенка, поэтому он был ворсистым» [22, с. 550]. В монгольском языке, в отличие от хакасского, имеется глагольная форма данной лексемы: *саадаглах* «опоясаться колчаном, повесить колчан» [24, с. 456].

САЙЗАҢ «1. 1) ист. зайсан (предводитель войск); см. *чайсан* I; *алынтың сайзаңнары* фолькл. приближенные богатыря; 2) красавец, красавчик; 2. красивый, стройный статный; *сынныг, погда; сайзаң алыптар* стройные богатыри; *сайзаң оол* добрый молодец; *сайзаң тура* а) красивый дом; б) дворец» [20, с. 433]. В текстах хакасских героических сказаний, в отличие от монгольского и тувинского языков, встречается меньше наименований титулов и статуса богатырей монгольского происхождения. Чаще, имена персонажей включают их характеристики, масти их лошадей и др., например, *Ай Мирген* букв. 'Луна Меткий', *Алтын Арыг* букв. 'Золото Чистота' и др. Социальное положение, титулы богатырей / богатырок обозначается словами *хан* «хан», *алын* «богатырь», *ниг* «господин, высший чин». Встречаются в именах и монгольские компоненты, например, *мөке* «удалой, сильный», *сейзең / сайзаң* «правитель», *тайчы* «феодальный почётный титул» и др. *Халых чонны чыып, / Алып Мөке хаан сунны / Хан поэрах аттыг / Хаан Сайзаңы / Хан орнына хан ит салган* [26, с. 49] – ‘Призвав народ, / Алып Мөке Хан / Хаан Сайзана с рыжим конем / Сделал ханом вместо хана’. От сказителя П. В. Курбижекова записано и издано в 2010 г. богатырское сказание, где главный герой носит имя Алтын Сейзен «Золотой Сейзен», и называется «*Ах сабдар аттыг Алтын Сейзең*» («Алтын Сейзен на Белоигреневом коне») [27].

В монгольских языках *зайсан* обозначает чиновника среднего уровня: монг.: *зайсан* «1) дзайсанг, управитель отока; родовой глава; 2) название монастырской должности» [24, с. 74]. В Этимологическом словаре монгольских языков указывается и китайский вариант

данного слова: *jayisang* [kum. *zaiziáng*] бур. *зайсан, зайхан* (ист.) зайсан (низший административный чин, примерно сельский староста); калм. *зээсн* (ист.) зайсан (правитель рода, племени, затем феода) [28, с. 65]. Как видим, титул *зайсан* обозначает чиновника не совсем высокого уровня, поэтому в хакасских фольклорных текстах можно встретить такие примеры: *Полысчы магаа кирек! Пирее сайзаңны пирерзер бе?* [29, с. 65] – ‘Помощник мне нужен! Дадите мне какого-нибудь сайзана?’.

Многочисленную подгруппу устаревшей лексики в текстах героических сказаний составляют также наименования предметов быта. В целом же это разнообразное обширное лексическое поле, в составе которого лексемы классифицируются по тематическому признаку. В описаниях ситуаций встреч или же угощений богатырей наиболее часто встречаются следующие наименования посуды и предметов, предназначенных для хранения пищи.

САРА «1) кувшин; чаша; *алтын сара* фольк. золотая чаша; *алын кизе алтын саранаң арага тударга* подавать вино богатырю в золотой чаше; 2) саг. сара (деревянная или берестяная посуда овальной формы для хранения сыпучих предметов); *сараны тиректең итчеңнер* сару изготвляли из тополя; *сарада ун алай чарба тутчаңнар* в саре хранили муку или крупу» [22, с. 446]. Имеется еще вариант данного слова с длинным гласным в конце слова: *сараа* «уст. миска; *ала сараа* миска, украшенная узорами» [20, с. 446]. *Абахайлар ала сара тургызыбысханнар*, / *Арачын азын Ай Мирген / Күүлөде-саалада урыбысхан* [18, с. 123] – ‘Красавицы поставили [на стол] пёструю чашу, / Ай Мирген [свое] крепкое вино / Налил в них’. Обычно лексема *сара* характеризуется эпитетом *ала* «пёстрый». В. Е. Майногашева предполагает, что «... эпитет *ала* “пёстрый” связан с орнаментом, которым был украшен сосуд. В хакасском фольклоре иногда указывается, что такая чаша имеет двое “ушек”. Аналогичный сосуд для питья известен у якутов, у которых он имеет сходное с хакасским название – *чороон*» [22, с. 543].

Р. Н. Анисимов, Р. В. Корякина якутский вариант наименования чаши *сара* также относят к историзмам – названиям предметов утвари: «В олонхо часто упоминается посуда людей Срединного мира *сар-саар-саар ыаҕас (uһum)* “сосуд средней величины из сшитых вместе берестяных полос (часто вмещает 5 ведер); лукошко; берестяной туесок”» [30, с. 97]. В монгольском языке данному слову соответствует *цар* «1) большая деревянная чаша; 2) поднос» [24, с. 1120]; *цар* «1) большая неглубокая металлическая тарелка; 2) большая деревянная чашка; 3) поднос; чаша» [24, с. 1120]. О монгольском происхождении данной лексемы свидетельствует ее широкая распространенность в монгольском языке и исторически обусловленное развитие ее полисемии, переходящей в омонимию. В БАМРС представлено всего девять омонимов слова *цар* [24, с. 1120].

ТАЗОР «бурдюк, кожаный мешок (для жидкости); *нан тазоры* фляжка (кожаная); *nir tazor хамыс* один бурдюк кумыса» [20, с. 574]. Более пространное объяснение данному слову дает В. Е. Майногашева: «Мешок из выделанной кожи, снятой с ноги домашнего животного, сшивался шерстью наружу, поэтому в зависимости от масти животного мог быть пестрым. В нем хранили вино или какую-нибудь другую жидкую пищу» [22, с. 543]. *Алтын чечпее чидип, Ай Мирген, / Ах ой адын палгап, тогыс тазор арагазын тудына кирди. / Алтын стол үстүне тургызып, / Изеннезип, миндилезип прайзынаң, / Арага урар нима килеен* [18, с. 123] – ‘Дойдя до коновязи, Ай Мирген, / Привязав [своего] бело-буланого коня, / Зашел, неся на руках девять бурдюков вина. / Поставив на золотой стол, / Поздоровавшись, / Попросил чашу для вина’.

Как показывает следующий пример, эпитет *ала* сочетается не только с лексемой *сара/сараа* «деревянная чаша (для напитков)», но и с лексемой *торсых* «бурдюк», которое следует понимать тоже как разрисованный орнаментом сосуд: *Ала торсых талабызып, Хыс Хан / Ала сараага урып*: – *Ас алыбыс, – тинче* [26, с. 32] – ‘Открыв пестрый бурдюк, Хыс Хан / Наливая в пеструю чашу: – Выпей, – говорит’.

О наличии слова *тазор* в других тюркских и монгольских языках нам неизвестно. В. И. Рассадин отмечает его как характерной только для хакасского языка: «... отдельные

аффиксы настолько глубоко вошли в систему хакасского языка, что при помощи них образуются новые слова уже от собственно хакасских, тюркских по происхождению основ, <...>, например, кач. *тазоор* “бурдюк” <*тазы*- “таскать, перевозить” + монг. афф. *уир*; <...>» [25, с. 39].

Таким образом, из приведенных к рассмотрению 9 лексем – историзмов, 6 имеют параллели в монгольских языках, 1 лексема общетюркского происхождения и 2 лексемы характерны только для хакасского языка. Поскольку язык, как отражение социальных изменений в обществе, является динамичной и изменчивой системой, слова-историзмы обладают потенциальной вероятностью деархивизации, т. е. под влиянием экстралингвистических факторов, они могут вернуться в современную речь. Как, например, из устного сообщения башкирского лингвиста Г. Н. Ягафаровой, на современном этапе в Башкирии развивается как вид спорта «стрельба из лука», соответственно, лексема *кереш* возвращается из пассивного запаса в активное употребление. Как новые явления и реалии не могут полностью копировать исторические оригиналы, так и семантическая структура их архаичных наименований могут несколько трансформироваться и при этом утрачивать признак архаичности и отрицательные коннотации.

Архаизмы

Одним из основных отличий архаизмов от историзмов состоит в том, что они переходят в пассивный фонд языка не в результате устаревания обозначаемых им реалий, а в результате вытеснения их из обихода другими более частотными синонимичными лексемами. Архаизмы встречаются в художественных произведениях, описаниях событий каких-либо исторических периодов и создают определенный стилистический колорит прошлого. Также они фиксируются в лексикографических источниках с пометой *устар.* По сравнению с историзмами, имеющими потенциальную возможность возвращения в язык современной эпохи, у архаизмов меньше лексико-семантических ресурсов на такую перспективу, поскольку в языке уже действует слово, обозначающее идентичное с ним понятие. Но язык героического сказания имеет своеобразную специфику выражения традиционной ментальности народа, усложненные по отношению к естественному языку, определенные лингвистические формулы, направленные на эпическое мировосприятие. В текстах героических сказаний используются обычно архаизмы, но вытеснившие их из современного языка синонимы встречаются редко. Рассмотрим некоторые из именных архаизмов:

ИТ «устар. 1) собака; ср. *адай*; 2) *перен.* волк; *хойны ит тут салтыр* овцу волки задрали; *ит табан* фолькл. собачье отродье, сукин сын» [20, с. 138]. В активной лексике хакасского языка собака называется *адай*, а лексема *ит*, перейдя в разряд архаизмов, встречается только в языке фольклора. Для обозначения собаки почти во всех тюркских языках используется термин *ит*, щенка – *күчүк(ес)*, исключения составляют только хакасский *адай* и турецкий *köpek*. Также в тувинском языке общетюркское наименование собаки *ит* выступает компонентом сложного слова *мый-ыт* «кот», *кыс мый-ыт* «кошка». Данное слово, «... несомненно, имеет древнее происхождение, встречается в древних тюркских и арабских письменных памятниках и до сих пор вызывает споры у лингвистов» [31, с. 385]. Компонент древности содержится в клишированном выражении – ругательстве, используемом в текстах богатырских сказаний: *адай табан*, *ит табан*, соответствующем русскому: *собачье отродье*. Лексема *табан* является частотным в хакасской разговорной речи, в языке фольклора используется только в составе данного выражения. Ее семантическая структура включает положительный и отрицательный аспекты: *табан* «разг. 1) *ирон.* герой тип, молодец, удалец, тип, детина; {...}; 2) вор, похититель, мошенник, пройдоха, тип; *күлүк табан* а) *ирон.* ловкий тип; б) ловкий пройдоха (мошенник, вор), легко совершающий неблагоприятные дела; *мирчең табан* непослушный (непробиваемый) пройдоха (мошенник); {...};» [20, с. 567–568]. Возможно, имеется этимологическая связь данного слова с древнетюркским *тав* «характер, натура, организм; {...};» [23, с. 525]. Буквальный же перевод выражения *ит табан* возможен как «собака пройдоха»: *Алып Хыс Хан, аны көрпн, / таг чили та-зып, / Талай чили көбіскен: / – Адай табан, ит табан / Алып Мөке, арга – сүмеңе / Тыңох түстің!*

[26, с. 50] – ‘Увидев его, / Алып Хыс Хан, сильно разозлилась, / Разбушевдалась как море: / Собачье отродье Алып Моке, / Ну, и хитёр ты, оказался!’; *Kirip kilgende, адазы Хулатайны көр салган, / Тура сегіріп: «Адай табаны ит табан, – тидір, – Ызут Арыг алганымны хайдар ит салдың?»* [18, с. 118] – ‘Когда зашел [в юрту], его увидел отец Хулатай, / Подскочил [с места]: «Ты, **собачье отродье**, – говорит, – [мою] суженную Узут Арыг ты где спрятал?»; *Адай табан, ит табан* / Алып Мөке, / өлген синің сөбөгіннің / Сөбөгі чох полар! [26, с. 50] – ‘**Собачье отродье**, / Алып Моке, / Когда ты помрешь, / Не будет даже [твоего] труп!»’.

Отрицательное отношение к собаке проявляется и в примере: *Адайча ағылың чоғыл, Алтын Арыг, / Итче изің чоғыл* [22, с. 9] – ‘Алтын Арыг, у тебя нет ума даже как **у собаки**’. Однако в мифологии хакасов собака может быть и положительным персонажем, оказывая всяческую помощь героям – богатырям. Помимо охранительной функции в быту «... в мировоззрении хакасов важнейшим назначением собаки было ещё и оберегать своих хозяев от негативного воздействия потусторонних сил и изгонять злых духов» [32, с. 122].

КӨСТІК «1) зеркало; см. *көріндес*; ♦ *күн көстік* фолькл. зеркало с волшебными свойствами; *күн көстігін көріп, пазын сыйбанып тур алып-чахсы* посмотревшись в волшебное зеркало, удалой богатырь приглаживает волосы; уст. очки» [20, с. 208]. Слово возникло при помощи словообразовательного аффикса *-тік* от общетюркского корня *köz / qöz / göz* «глаз, глаза». Не только в хакасском, но и тюркском эпосе зеркало является одним из волшебных предметов, с помощью которого герой видит прошлое, настоящее и будущее или переходит в потусторонний мир. *Харахтыг тас, көстіксер көрібіссе, / Хайдаг-да чабал тас турчададыр* [18, с. 92] – ‘Зрячий слуга, посмотрел в зеркало, / И увидел уродливого слугу’. Лексема *көстік* «зеркало» может функционировать в сочетании с *күн* «солнце»: солнечное зеркало: [Албынчы] <...>, / *Күн көстік суурып алып: / – Көрзең, оол, мына, хайдагзың, – тіп одыр* [18, с. 92] – ‘[Албынчы] <...>, / Взяв солнечное зеркало: / – Посмотри-ка, парень, как ты выглядишь, – говорит’.

В современном хакасском языке в значении «зеркало» используется лексема *көріндес*, образованный также от общетюркского глагольного корня *көр-* «смотреть».

В категорию архаичных слов попадают также прилагательные, которые имеют по несколько синонимов в современном хакасском языке.

АЛБАХ «1. сила, мощь, *прост.* мочь; *албах саа читпинче* нет мочи; не хватает силы; *албагым асханча чүгүрдім* до изнеможения бежал; *албагым асханча сірендім* изо всех сил старался; *парарга пір дее албагым чоғыл* у меня нет сил идти; *арыг күзім албинча, албах саам читпинче* фолькл. нет сил, нет мочи; 2. сильный» [20, с. 52]. В текстах героических сказаний при описании битв богатырей, когда один из них оказывается побежденным, встречается клише *албах саа читпин-* «не хватает сил». – *Алтын Теектің арыг күзі албин, / Албах саа читпинчеткен, – тидір* [18, с. 44] – ‘У Алтын Теека не хватает сил, / нет мочи’; *Ызут Арыг абахайның арыг күзі хаппин, / Албах саа читпин чөре парган, / Ачин сала, хыйгы салган: – Алган кізім, Хулатайым, / Арыг мінің күзім хаппин пари, / Албах мінің саам читпин пари* [18, с. 61] – ‘У красавицы Узут Арыг не достает сил, / Не хватает сил, / Тогда она бросила клич / – Мой суженый Хулатай, / Мне не хватает сил, / Мне не хватает мочи’; *Аархы сынның пазында Хара Моос, / Инеліп, чобалып, чоохтан чөредір: – Пиче кізі, Чин Хара Хыс, / Арыг мінің күзім хаппин пари, / Албах саам читпин пари* [18, с. 86] – ‘На вершине дальней горы Хара Моос, / С грустью-печалью говорит: / Сестра моя, Чин Хара Хыс, / Сил моих не хватает, / Мочи моей не хватает’.

Нам встретился также пример, где лексема *албах* с показателем *-хы* используется самостоятельно в роли определения: *Мындаг ла албаххы ханнарга учурабаам* [33, с. 97] – ‘Я не думал, что встречу таких сильных людей’.

Предположительно, лексема *албах* генетически связана с общетюркским *алп / алып* «герой, храбрый». Широко используемая в тюркских языках многозначная лексема *саг* с первичным значением «здоровье» в хакасском языке сохранилась лишь как компонент словосочетания в отрицательной форме: *саам чоғыл* «у меня нет сил» (*саг* = при присоединении притяжательного

аффикса в 1 л. -ым: *сагым* между двумя гласными выпадает *э*), а также в глагольной форме *сагчохтанарга* «недомогать».

ЧАТ «чужой; иноплеменный; *чаттың палазы* человек чужого рода, племени; *чаттың чирі* чужая земля, чужая сторона, чужбина; *чарны пасха чатпын* мин я человек чужой [среди вас]; *көбее сагал, сыгып, иртсе, хынмассар чаттың хыстары, ээк сагалы өзіп парза, таллирзар чонның хыстары* фолькл. когда вырастут усы, не захотите полюбить [меня], девушки чужого племени, а когда борода вырастет, отвергните [меня] вы, девушки другого племени; *чатха санның* девушка, выдаваемая замуж (потому что она уходит уже в чужую семью); *чабал чатта* – *чахсы пісте* посл. Пусть всегда добро сопутствует нам (букв. злое – у чужих людей, а хорошее – с нами); *сарназарга чат чахсы, чобалыбыссаң, чон чахсы* посл. В веселье хорошо быть с чужими (посторонними), а в горе хорошо быть с родственниками» [20, с. 954]. *Арғал чаттаң алған абахайы / Ай Арығ полған иней кізі* [18, с. 8] – ‘Из чужбины привезенная / Ай Арығ его жена была’; *Арғал чаттың чирлері / Ағылдаң ырах халып одырадыр* [18, с. 99] – ‘Земли чужого народа остаются далеко позади’; *Арығ-сіліг Алып Хыс Хан / Илнің-чаттың чиріне сабыл килидір* [26, с. 53] – ‘Красавица Алып Хыс Хан / Приближается к землям чужого народа’. Лексема *чат* используется обычно в текстах героических сказаний и по отношению к чужим людям и землям. Бинарная оппозиция «свой-чужой» является ключевой в эпическом пространстве любого народа, которая, возможно, берет начало в глубокой древности. В современном хакасском языке для передачи понятия «чужой» активно используется переносное значение слова *кізі* «человек», например, *кізі чирі* «чужая земля; букв. земля человека», *кізі нимезі* «чужая вещь; букв. вещь человека», *кізі палазы* «чужой ребенок; букв. ребенок человека» и т. д.

Во всех тюркских языках слово *чат* связано с понятием «чужбина». Однако в ЭСТЯ дополнительно дается значение «враг» и интерпретируется таким образом: «Если учесть, что в тюркских языках встречается модель парных однокорневых слов типа *javuñ javız* “плохой”, *jaqın jauiq* “близкие”, *toq todı* “сытые” см. ДТС, то *jat jayı* можно также интерпретировать как производные одной корневой морфемы **ja*: о значении которой см. в *ЙА:ФЫ* “враг”; {...}» [34, с. 158].

В монгольском языке имеется лексическая параллель *жад* «чужой» [24, с. 26], а также близкий по значению вариант: *цаад* «1) отдалённый, дальний; *цаад гэр* дальняя юрта; *цаад өдөр* послезавтра; позавчера; 2) тот; противоположный; *цаад булан* противоположный угол; {...}» [24, с. 1106].

В разряд архаизмов попадают не только имена, но и служебные части речи, например:

АРТ зад; *арт соонда* позади; *арт соонаң* следом за кем-л., чем-л. [20, с. 77]. <...> / *Хан Чачах туңмаңны / Пирерчіксің ме поэма? / Арға чонны арали чөрзем, / Ададаң пірге сыхханым тіп, / хогдыр чөрерчікпін арт-соомча* [18, с. 108] – ‘[Свою] младшую сестру Хан Чачах / [Ты] отдал бы за меня замуж? / Когда буду ходить среди народа, / Как родную (букв. как родившуюся от одного отца), / Я бы водил ее позади себя’. Данное слово самостоятельно не используется, но это то же, что и *соо* «зад, задняя часть». Д. Ф. Патачакова утверждает, что оно словосочетанию придает усилительное значение [35, с. 9]. В случае с *арт соонда*, как и в *олған-узах*, «... имеет место слияние двух когда-то самостоятельных слов, с одинаковым значением» [35, с. 9].

АЛ «препозит. сл. с усилит. знач.; *ал поэым* лично я сам; *ал поэың* лично ты сам; *ал поэы Хулатай тас пол парған* фолькл. сам же Хулатай превратился в камень» [20, с. 48]. *Чарых тигір алтында / Ал поэым Хулатай чілі / Алып-күлүк төріді ни!* [18, с. 9] – ‘Под этим синим небом / Лично такой, как я, Хулатай / Родился ли еще какой-то богатырь!'; *Иней-хурайлар чыыл килген – / Ызүт Арығ көрінібіскен: / Ала маңыс оол пала, / Трапча күмүс тырғактыг, / Алтын-күмүс састыг осхас, / Угаа сіліг ир пала* [18, с. 51] – ‘Старухи собрались – / Узут Арыг стала рожать: / Сильно белолицый мальчик, / С серебряными ногтями, / Будто с золотистыми – серебристыми волосами, / Очень красивый мальчик появился’.

Как видим на материале языка хакасских героических сказаний, если в категорию историзмов могут быть включены в основном наименования предметов и явлений из далекого прошлого, то архаизмами могут быть слова разной частеречной принадлежности.

Заключение

В текстах хакасских героических сказаний встречается обилие устаревшей лексики, что свидетельствует об архаичности данных текстов. Если в процессе передачи из поколения в поколение язык этих текстов может несколько трансформироваться в зависимости от современных лингвистических факторов, то устаревшая лексика сохраняется и переходит в разряд ключевых. Данные лексемы имеют статус устаревшей только по отношению к современному хакасскому языку, в текстах же героических сказаний они являются активными. Поскольку язык эпоса, как вневременной феномен, действует в течение веков, то термин «устаревшая лексика» является лишь формальной.

Устаревшая лексика делится на два крупных разряда: историзмы и архаизмы, которые по семантическим и структурным признакам составляют разные тематические подгруппы. В подгруппе слов – историзмов наиболее многочисленными являются военная и бытовая лексики. Находясь в пассивном словаре языка, эти слова обладают потенциальной возможностью возвращения в обиходную речь, но у архаизмов таких шансов меньше, поскольку в языке уже действуют синонимичные слова.

Большая часть рассмотренной нами устаревшей лексики имеет параллели в других тюркских и монгольских языках, что свидетельствует о близких контактах в различных сферах жизнедеятельности и об универсалиях мировоззренческих установок наших народов.

Литература

1. Эргис Г.У. Богатырский эпос якутов – олонхо. В кн.: Оросин К.Г. *Нюргун Боотур Стремительный: якутский героический эпос*. Якутск: ЯкГИЗ; 1947:5–60 (на якутском и русском яз.).
2. Пропп В.Я. *Основные этапы развития русского героического эпоса*. Москва: Академия наук СССР; 1958:37.
3. Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. *Хакасское народное поэтическое творчество*. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства; 1972:310.
4. Пухов И.В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия. В кн.: Сивцев Д.К. – Суорун Омоллоон (ред.) *Эпос олонхо и эпическая поэзия саха (якутов)*. Якутск: ИГИ АН РС (Я); 2003:84–141.
5. Майногашева В.Е. Хакасское устное народное поэтическое творчество. В кн.: Антошин К.Ф. (ред.) *Очерки истории хакасской советской литературы*. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва; 1985:5–23.
6. Махмутов А. Архаизмы и историзмы в казахском языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата: 1963:20.
7. Каракаев Ю.И. Устаревшая лексика ногайского языка: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Казань: 1999:23.
8. Скрябина А.А. Архаизмы в словарном составе якутского языка (на материале наименований предметов домашнего обихода). *Российский гуманитарный журнал*. 2022;4(11):290–298.
9. Анисимов Р.Н. Архаизмы в олонхо (к постановке проблемы генезиса якутского эпоса). В кн.: Жирков А.Н. (ред.) *Эпическое наследие народов Якутии: традиции и современность: материалы научно-практической конференции*. Якутск: «Медиа-Холдинг» Якутия; 2017:45–48.
10. Скрябина А.А., Чиркочева Д.И. Архаическая лексика в якутских народных преданиях. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2021;4(37):87–95.
11. Емельянова О.Н. Устаревшая лексика в системе языка (по материалам толковых словарей современного русского языка). *Экология языка и коммуникативная практика*. 2015;(2):48–69.
12. Пухов И.В. *Героический эпос Алтае-Саянских народов и якутский олонхо*. Якутск: Изд-во СО РАН, Якутский филиал; 2004:326.

13. Ондар М.В. Устаревшая лексика в тувинских героических сказаниях. *Новые исследования Тувы*. 2020;(1):104–116. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.9>
14. Трояков П.А. Некоторые вопросы изучения хакасского эпоса. В кн.: Карпов В.Г., Патачакова Д.Ф. (ред.) *Вопросы хакасской филологии*. Сборник статей. Абакан: Хакасское кн. изд-во; 1962:91–127.
15. Байжанов Т.Б. Военная лексика в казахском языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата: 1973:26.
16. Лосева-Бахтиярова Т.В. Военная лексика тюркских языков (названия вооружения): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Москва: 2005:32.
17. Сафаров Р.Т. *Военная лексика татарского языка*. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова; 2015:196.
18. Кадышев С.П. *Алыптыг ныхмах* (героическое сказание). Абакан: Хакасское кн. изд-во; 2018:126 (на хакасском яз.).
19. Благова Г.Ф. (ред.) *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы К и Қ*. Выпуск первый. Москва: Языки русской культуры; 1997:368.
20. Субракова О.В. (ред.) *Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сөстiгi*: около 22 тыс. слов. Новосибирск: Наука; 2006:1114.
21. Татаринцев Б.И. *Этимологический словарь тувинского языка*. Том III: К, Л. Новосибирск: Наука; 2004:440.
22. Майногашева В.Е. (ред.) *Алтын Арыг*. Хакасский героический эпос. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы; 1988:592 (на хакасском и русском яз.). (Эпос народов СССР).
23. Надеяев В.М., Насилов Д.М. (ред.) *Древнетюркский словарь*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение; 1969:676.
24. Пюрбеев Г.Ц. (ред.) *Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах*. Ок. 70 000 слов. Москва: ACADEMIA; 2001:2007.
25. Рассадин В.И. *Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках*. Москва: Наука; 1980:117.
26. Курбижеков П.В. *Айдолай*. Алыптыг ныхмах. Абакан: Бригантина; 2016:196 (на хакасском яз.).
27. Курбижеков П.В. *Ах сабдар аттыг Алтын Сейзең = Алтын Сейзен на Бело-игренево м коне*: алыптыг ныхмах. Абакан: Хакасское кн. изд-во; 2010:162 (на хакасском и русском яз.).
28. Санжеев Г.Д. (ред.) *Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Том II. G-P*. Москва: ИВ РАН; 2016:232.
29. Топоев Ю. *Кöңнiм чайгам айабин... Любовь дарил, не жалея. Пьесы, рассказы, стихи, очерки*. Абакан: Хакасское кн. изд-во; 2012:400 (на хакасском яз.).
30. Анисимов Р.Н., Корякина Р.В. Лексемы-историзмы якутского эпоса, имеющие параллели в монгольских языках. Часть 1. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия Эпосоведение*. 2021;3(23):88–109. <https://doi.org/10.25587/g5223-4992-9053-ц>
31. Севортян Э.В. (ред.) *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные*. Москва: Наука; 1974:754.
32. Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов о собаке (конец XIX–середина XX века). *Археология, этнография и антропология*. 2012;2(50):114–123.
33. Добров М.К. *Хан Мирген*. Богатырское сказание. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва; 1969:209 (на хакасском и русском яз.).
34. Левитская Л.С. (ред.) *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на Ж, Ж, Й*. Москва: Наука; 1989:291.
35. Патачакова Д.Ф. Материалы к изучению истории лексики хакасского языка. В кн.: Карпов В.Г., Патачакова Д.Ф. (ред.) *Вопросы хакасской филологии*. Сборник статей. Абакан: Хакасское кн. изд-во; 1962:5–20.

References

1. Ergis GU. The heroic epic of the Yakuts – olonkho. In: Orosin KG. *Nurgun Bootur the Swift: the Yakut heroic epic*. Yakutsk: YakGIZ Publ.; 1947:5–60 (in Russian).
2. Propp VYa. *The main stages of the development of the Russian heroic epic*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. House; 1958:37 (in Russian).

3. Ungvitskaya MA., Mainogasheva VE. Khakas folk poetry. Abakan: Khakas branch of the Krasnoyarsk Book Publ. House; 1972:310 (in Russian).
4. Pukhov IV. Heroic epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. Commonality, similarities, differences. In: Sovtsev DK. (ed.) *Olonkho epic and epic poetry of the Sakha (Yakuts)*. Yakutsk: IHR YaAS Publ. House; 2003:84–141 (in Russian).
5. Mainogasheva VE. Khakas oral folk poetry. In: Antoshin KF. (ed.) *Essays on the history of Khakas Soviet literature*. Abakan: Khakas branch of the Krasnoyarsk Book Publ. House; 1985:5–23 (in Russian).
6. Makhmutov A. Archaisms and historicisms in the Kazakh language: Summary of Candidate's dissertation (Philology). Alma-Ata: 1963:20 (in Russian).
7. Karakaev YuI. Outdated vocabulary of the Nogai language: Summary of Candidate's dissertation (Philology). Kazan: 1999:23 (in Russian).
8. Skryabina AA. Archaisms in the vocabulary of the Yakut language (based on the names of household items). *Russian Humanitarian Journal*. 2022;4(11):290–298 (in Russian).
9. Anisimov RN. Archaisms in Olonkho (towards the formulation of the problem of the genesis of the Yakut epic). In: Zhirkov AN. (ed.) *Epic heritage of the peoples of Yakutia: traditions and modernity: materials of a scientific-practical conference*. Yakutsk: Media Holding Yakutia; 2017:45–48 (in Russian).
10. Skryabina AA., Chirkoeva DI. Archaic vocabulary in Yakut folk legends. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2021;4(37):87–95 (in Russian).
11. Emelyanova ON. Outdated vocabulary in the language system (based on materials from explanatory dictionaries of the modern Russian language). *Ecology of language and communicative practice*. 2015;(2):48–69 (in Russian).
12. Pukhov IV. *The heroic epic of the Altai-Sayan peoples and the Yakut olonkho*. Yakutsk: Publ. House SB RAS, Yakutsk branch; 2004:326 (in Russian).
13. Ondar MV. Obsolete vocabulary in Tuvan heroic tales. *New studies of Tuva*. 2020;(1):104–116 (in Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.9>.
14. Troyakov PA. Some issues of studying the Khakas epic. Karpov VG., Patachakova DF. (eds.) *Issues of Khakas philology. Collection of articles*. Abakan: Khakas Book Publ. House; 1962:91–127 (in Russian).
15. Baizhanov TB. Military vocabulary in the Kazakh language: Summary of Candidate's dissertation (Philology). Alma-Ata: 1973:26 (in Russian).
16. Loseva-Bakhtiyarova TV. Military vocabulary of the Turkic languages (names of weapons): Summary of Candidate's dissertation (Philology). Moscow: 2005:32 (in Russian).
17. Safarov RT. *Military vocabulary of the Tatar language*. Kazan: G. Ibragimov ILLA Publ. Hose; 2015:196 (in Russian).
18. Kadyshev SP. *Albynchy. Alyptyg nymakh* (heroic tale). Abakan: Khakas Book Publ. House; 2018:126 (in Khakas).
19. Blagova GF. (ed.) *Etymological dictionary of the Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic lexical bases for the letters K and Q*. First issue. Moscow: Languages of Russian Culture Publ.; 1997:368 (in Russian).
20. Subrakova OV. (ed.) *Khakas-Russian dictionary: about 22 thousand words*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2006:1114.
21. Tatarintsev BI. *Etymological dictionary of the Tuvan language*. Vol. 3: K, L. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2004:440 (in Russian).
22. Mainogasheva VE. (ed.) *Altyn Aryg. Khakas heroic epic*. Moscow: Nauka Publ.; 1988:592 (in Khakas and Russian). (Epos of the peoples of the USSR)
23. Nadelyaev VM., Nasilov DM. (eds.) *Old Turkic dictionary*. Leningrad: Nauka Publ. Leningrad branch; 1969:676.
24. Purbeev GTs. (ed.) *Large Academic Mongolian-Russian Dictionary: in Four Volumes*. Approx. 70,000 words. Moscow: ACADEMIA Publ.; 2001:2007.
25. Rassadin VI. *Mongol-Buryat borrowings in the Siberian Turkic languages*. Moscow: Nauka Publ.; 1980:117 (in Russian).
26. Kurbizhekov PV. *Aydolay. Alyptig nymakh*. Abakan: Brigantina Publ.; 2016:196 (in Khakas).
27. Kurbizhekov PV. *Altyn Seizen on a White-yellow Horse: alyptig nymakh*. Abakan: Khakas Book Publ. House; 2010:162 (in Khakas and Russian).

28. Sanjeev GD. (ed.) *Etymological dictionary of Mongolian languages*: in 3 vols. Vol. 2. G–P. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. House; 2016:232 (in Russian).
29. Topoev Yu. *He gave love without regret. Plays, stories, poems, essays*. Abakan: Khakas Book Publ. House; 2012:400 (in Khakas).
30. Anisimov RN., Koryakina RV. Lexemes-historical words of the Yakut epic with parallels in the Mongolian languages. Part 1. *Vestnik of the North-Eastern Federal University: Eposovedenie*. 2021;3(23):88–109 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/g5223-4992-9053-u>
31. Sevortyan EV. *Etymological dictionary of the Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic bases for vowels*. Moscow: Nauka Publ.; 1974:754 (in Russian).
32. Burnakov VA. Traditional ideas of the Khakas people about the dog (late 19th–mid-20th century). *Archeology, ethnography and anthropology*. 2012;2(50):114–123 (in Russian).
33. Dobrov MK. *Khan Mirgen*. Heroic tale. Abakan: Khakas branch of the Krasnoyarsk Book Publ. House; 1969:209 (in Khakas and Russian).
34. Levitskaya LS. (ed.) *Etymological dictionary of the Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic bases for Ж, Ӣ, И*. Moscow: Nauka Publ.; 1989:291 (in Russian).
35. Patachakova DF. Materials for the study of the history of the vocabulary of the Khakas language. In: Karpov VG., Patachakova DF. (eds.) *Issues of Khakas philology. Collection of articles*. Abakan: Khakas Book Publ. House; 1962:5–20 (in Russian).

Об авторах

Каксин Андрей Данилович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», ORCID: 0000-0001-9632-8286, e-mail: adkaksin@yandex.ru.

Чертыкова Мария Дмитриевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, ORCID: 0000-0002-7467-4388, e-mail: chertikova@yandex.ru.

About the authors

Andrey D. Kaksin, Doctor Sci. (Philology), Leading Researcher, N. F. Katanov Khakas State University, ORCID: 0000-0001-9632-8286, e-mail: adkaksin@yandex.ru.

Maria D. Chertikova, Doctor Sci. (Philology), Leading Researcher, Language Sector, Khakas Research Institute of Language, Literature, and History, ORCID: 0000-0002-7467-4388, e-mail: chertikova@yandex.ru.

Вклад авторов/Authors' contribution

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автор(ы) заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Один из авторов – Чертыкова Мария Дмитриевна является членом редакционной коллегии журнала «Эпосоведение». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The authors declare no relevant conflict of interests.

One of the authors – Mariya D. Chertykova is a member of editorial board of *Eposovedenie*. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 26.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 01.11.2025

Принята к публикации / Accepted 20.11.2025